

Горбань Владимир Сергеевич,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного центра
философско-правовых исследований
Института государства и права РАН,
доктор юридических наук

**Формирование российской историографической модели политико-
правовых знаний как условие принципиально нового типа
межкультурного диалога в современном мире**

Любая философия права формируется не путем безродности и беспочвенности, а, напротив, только как часть осознания себя, и даже не общения, а именно способности мыслить себя, а лишь потом делиться своими мыслями (И. Левин). Далекое не всё, что мы себе представляем, помним, знаем, мы высказываем в общении с другими.

В истории правовой мысли накоплено множество самых разнообразных учений и теорий, из которых складывается идейный каркас науки о праве. Незнание и непонимание происхождения соответствующих идей, их общих и особенных смысловых характеристик зачастую ведёт к тому, что П. Флоренским называлось «сочинительством, игрой в жизнь»¹, что малоприспособлено для полноценного и содержательного развития современной юридической науки и государственного строительства.

До настоящего времени в российской юридической науке и смежных областях знаний используются историографические модели, заимствованные из устаревших подходов западноевропейских правоведов и философов, подвергнутые в настоящее время существенным модификациям под влиянием англо-американской философской и юридической литературы. Такое положение в корне противоречит задачам цивилизационного развития России, создает искусственные ограничения

¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики). М.: Академический проект, 2013. Т. 2. С. 29.

для использования потенциала русской философии права и в целом юридических наук. Кроме того, пересмотр значительной части существующих историографических практик позволят выработать комплекс решений для более эффективного и перспективного межкультурного диалога с различными регионами мира.

Надлежащее развитие юридических и общественно-политических наук в контексте современных вызовов невозможно в условиях доминирования узконаправленных, неполных и противоречивых принципов построения историографических моделей политико-правовых знаний, распространения идеологических искажений и использования устаревших шаблонов для формирования базовых представлений о типах развития государственно-правовых институтов, юридических концепций и доктрин. В итоге цивилизационное пространство не только России, но и тех регионов, чьи идеи традиционно доминируют в области историографии политико-правовых знаний в целом, оказывается под сильным влиянием ложных, неточных и упрощенных познавательных и объяснительных практик, не позволяющих в полной мере использовать потенциал юридических и общественно-политических наук для обеспечения устойчивого развития общества и эффективного государственного строительства.

Русская политико-правовая мысль должна освещаться совершенно иначе, полнее, содержательнее, признавая необходимость типологического различения развития политико-правового знания, культурного, языкового и иного разнообразия. Речь идет не о лучшем или худшем, западном или восточном, а лишь о требовании полноты, достоверности и цельности политико-правовых знаний.

История литературы дает очень богатый и познавательный материал для уточнения, углубления и развития истории политических и правовых учений, который пока используется крайне недостаточно. Правда, только в

работе Г.Ф. Шершеневича «История философии права» совершенно обоснованно и весьма показательно выделяется самостоятельный параграф о «недовольстве существующим порядком в общей литературе XIII и XIV веков»¹, где, в частности, он писал: «Изыщная литература средних веков является выразительницей того мировоззрения, представительницей того общественного строя, которые сложились в средние века»².

Существует также популярный миф о правовом нигилизме как типичной черте русской литературы. Но, конечно же, не более чем миф. Писателям и поэтам, которые высказывали скептическое отношение к праву, можно противопоставить внушительное количество писателей и поэтов, которые восхваляли право, тонко и остроумно показывали смысл и назначение права в жизни людей. Здесь скорее важен вектор поисков. Кто ищет положительные смыслы и трактовки, их и находит, а кто ищет отрицательные, находит и такие. И это действительно для любой национальной литературы, любого исторического периода. В связи с этим существуют гораздо более сложные проблемы, связанные, например, со спецификой разъяснения смысла свободы как правовой идеи, который отличается в зависимости, в частности, от типа общественно-религиозного сознания. Например, *свобода воли* представляет собой тему и проблему, порожденную прежде всего протестантством и сформировавшейся на его основе философией: в основном в Германии, Швейцарии, Англии. Это совершенно нетипичная тема для русской философии, или, например, католических философов. Если мы откроем сочинения Канта или Гегеля, то непременно столкнёмся с тем, что лейтмотивом их размышлений увидим проблему свободы воли: что такое свобода воли, при каких условиях воля свободна, что право есть вообще бытие свободной воли и пр. Однако для русской литературы эта тема в принципе чужда.

¹ Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 2001. С. 181.

² Там же.

Православие и русская философско-литературная культура никогда не отрицали свободу воли человека. Поэтому в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского на примере отчаянного грешника Н. Ставрогина автор показывает действительно традиционную для всей православной традиции и русской философии проблему. Старец предлагает Ставрогину публично покаяться, указывая на возможность – даже для такого человека, как Н. Ставрогин – выбора правильного пути, т. е. путь спасения. Однако тот отказывается, и его трагическая кончина есть результат собственного свободного выбора. Ещё лучше эта тема показана в романе «Братья Карамазовы», в частности во вставной новелле «Великий инквизитор».

Обеспечение права в жизни общества – это большая, непрерывная и очень трудная задача. Каждое общество справляется с ее выполнением в той или иной степени. Стоит начать изучать реальную практику в любой стране: уровень преступности, судебные и полицейские хроники, статистику, исковые и административные дела, данные надзорных ведомств, данные средств массовой информации, особенно на местах, и другие аналогичные материалы, так сразу же идеальный образ какого-то правопорядка может показать свои настоящие черты и свойства. Как раз для настоящей философии права, истории политической и правовой мысли насущным требованием является всеобъемлющее, по возможности полное, беспристрастное обсуждение, выявление, обобщение характера и содержания юридических концепций, учений, доктрин, понимание их логико-понятийного своеобразия, преемственности и новизны, конкретно-исторических условий формирования, социально-практического назначения, а также, несомненно, критика их основных аргументов и лежащих в основе гипотез, но также их основных сюжетов, тем, средств выразительности, исторических, культурных и прочих связей. К сожалению, в области истории политико-правовой мысли часто приходится видеть своего рода вариант реализации учения о

предопределенности, пронизывающего определенную часть философии от стоиков до протестантских авторов.

Написанное В. Гюго в 1862 г. письмо господину Даелли, издателю итальянского перевода романа «Несчастные» в Милане, весьма красочно показывает жизнь Франции и Италии: «И вы... не лишены предрассудков, суеверий; над вами тяготеет тирания фанатизма и слепая власть законов, которые с давних времен играют в руку невежественных представителей власти. ...У вас до сих пор живут представители варварства – монашеские ордена и первобытные дикари – лазарони. ...Между нами разве только та разница, что у вас немного меньше людей умирают от голоду и немного больше от лихорадок; ваша общественная гигиена не лучше нашей... Имеете ли вы счастье забывать значение слов: публичная месть, законная подлость, каторга, эшафот, палач и смертная казнь? Увы и у вас, итальянцы, как и во Франции, Беккария похоронен, а Фаринаце жив»¹. В. Гюго справедливо называет проблемы современного ему общества, но следует ли считать его авторитетное мнение зеркалом французского правосознания?

Опыт изучения многих отечественных и зарубежных подходов к построению историографических моделей в истории политико-правовой мысли, философии права показывает, что проблема подлежащей реконструкции событийного и обыденного рядов в общей и национальной культуре человечества в его отношении к государству и праву остается одной из самых насущных и востребованных. Можно даже заметить, как существенные расхождения между внешне подсказанной или скопированной моделью и внутренним развитием культуры права и политико-правового мышления оказываются причиной отторжения или непринятия других идеалов и представлений.

¹ Гюго В.М. Несчастные / Misérables: [Роман] / Пер. О.Н. Поповой и А.Н. Энгельгардт. СПб., 1902. С. II–III. (Роман известен также под названием «Отверженные»).

Что важно для формирования отечественной модели историографии и историософии политико-правовой мысли? Это в первую очередь ее целостное освещение, опирающееся на принципы полноты познания. Есть, собственно говоря, русская культура как вместительный, самобытный, разноплановый и сложный феномен, есть его многочисленные исторические проявления, есть неисчерпаемое количество источников его познания. Если мы изучаем историю мысли, то очевидно, что мы должны учитывать, наряду с собственно дистиллированным продуктом – в виде нормативного суждения или требования и его формальной диалектики содержания (типовая юридическая проблема!), – также историю языка, литературы, общественно-религиозного сознания, материальной культуры и проч. В противном случае любая наука о культуре может быть сведена к небольшому набору чистых формальных единиц: филология, история, экономика, этика, философия и т. п.

В формировании политико-правового сознания, соответствующей литературы, безусловно, участвует язык. Имеются философские концепции, в том числе в области права, которые вообще всю проблему права сводят к смыслу слов, подлежащему выяснению в каждой конкретной ситуации и каждый раз заново, так сказать, из контекста. Например, для англосаксонского права – это совершенно очевидная вещь. Проблема влияния языка на культуру права и литературу о нём значительно глубже и содержательнее, чем это обычно представляется. Речь идёт о своего рода открытии мельчайших частиц, ранее не доступных взору исследователя.

Современная российская историографическая модель политико-правовых знаний способна обеспечить формирование явных преимуществ перед другими государствами в социальной, культурной и образовательной областях. На основе современной российской историографической модели политико-правовых знаний могут быть

существенно пересмотрены важнейшие этапы и направления развития представлений о государстве и праве, полнее и значительно точнее разъяснены внутренние закономерности развития зарубежной юридической мысли, переосмыслена роль русской политико-правовой культуры, разработаны средства противодействия различным идеологическим искажениям и фальсификациям истории, сформированы возможности для принципиально нового типа межкультурного научного диалога с другими политико-правовыми традициями.